

Закон

Пройдя через Фригию и галатийские земли», Павел со своей свитой не был допущен «Святым Духом возвещать Слово в Азии... Поэтому они пересекли Мисию и пришли в Троаду. Ночью Павлу было видение: перед ним предстал македонянин, просивший: „Приди в Македонию и помоги нам!“» (Деян 16:6-10).

В этом эпизоде Павловой миссии к язычникам заключен глубокий смысл: согласно божественной воле, христианство должно было распространиться внутри Европы, благодаря чему оно стало религией сначала греко-римского, а затем и всего европейского мира. Западная культура, в отличие от еврейской и восточноазиатских (начиная с персидской) культур, не включала в качестве своего органичного элемента ритуальных и церемониальных правил, которые касаются «еды, питья и разных очистительных обрядов» (Евр 9:10). Согласно европейскому взгляду на вещи, есть можно все, «что продается на рынке... со спокойной совестью, ибо Господня земля и все, что на ней» (1 Кор 10:25–26). Идеологическое обоснование такой «свободной от Закона» точки зрения было одной из задач павлинизма и других течений в первоначальном христианстве. Хотя в ходе истории идеология христианства менялась, эта точка зрения, в общем, сохранилась неизменной: «свободное от Закона» отношение к жизни — характерная черта европейской цивилизации. Если бы христианство вначале распространилось в восточном, азиатском регионе, то в нем на почве еврейского Закона, вероятно, в большей степени развивалась бы ритуально-церемониальная сторона. Иначе оно не могло бы стать естественной для этого региона религией.

Многочисленные христианские мыслители и ученые должны были как-то справиться с тем фактом, что основатель их религии был верным Закону евреем и перед ним не стояла задача приспособить еврейскую религию к европейскому образу жизни. Естественно, у Иисуса были свои проблемы в отношении к Закону и его заповедям. Однако такие проблемы могли возникнуть у всякого верующего еврея, который всерьез относился к своей вере. Ниже мы увидим, как искажает подчас до неузнаваемости позицию Иисуса по отношению к Закону чуждое ему видение евангелистов. И все же в синоптических евангелиях, если читать их в контексте своей эпохи, еще сохраняется образ Иисуса — законопослушного еврея.

Наверное, мало кому из читателей известно, что Иисус синоптических евангелий никогда не преступает Закон в рамках установившейся тогда практики. Единственное исключение — выдергивание колосьев в субботу. К первоначальному рассказу здесь ближе всего Лука (6:1–5). «Однажды в субботу он проходил колосащимся полем, а

ученики его срывали колосья и, растирая их руками, ели. Некоторые из фарисеев спросили: „Почему они делают то^[45], чего нельзя делать в субботу?“». Согласно общепринятой точке зрения, по субботам опавшие колосья можно растирать только пальцами. Но по мнению рабби Иехуды, который, как и Иисус, был галилеянином, это можно делать также и «руками»^[46]. Следовательно, некоторые фарисеи придирались к ученикам Иисуса, очевидно, за то, что те следовали своей галилейской традиции. Незнакомый с народным обычаем переводчик оригинального текста на греческий добавил в этом месте, вероятно, для наглядности, также и срывание колосьев, не подозревая, что тем самым он ввел в синоптическую традицию единственный случай нарушения Закона учениками Иисуса.

За недоразумение в случае омовения рук перед едой синоптическая традиция не несет ответственности. Заповедь об омовении рук не принадлежит, собственно, ни Писаниям, ни устному учению. Во времена Иисуса действовало правило: «Омовение перед едой не обязательно, а после еды обязательно»^[47]. Здесь речь идет о раввинском установлении, которое впервые появляется, вероятно, одним поколением раньше Иисуса. Даже самые «закоснелые» среди тогдашних фарисеев — деревенские фарисеи — с недоумением покачали бы головами, если бы кто-нибудь им сказал, что Иисус порвал с Моисеевым Законом, поскольку его ученики не всегда омывают руки перед едой. В разговоре с Иисусом фарисеи подкрепляют свою позицию лишь ссылкой на «предание предков» (Мк 7:5) — наименее авторитетное в иерархии еврейских авторитетов. Иисус отвечает фарисеям также в понятиях своего времени, называя раввинское установление об омовении рук (в ту пору необязательное) «преданием человеческим» (Мк 7:8) и противопоставляя ему божественные заповеди Писаний и устного учения.

Установление об омовении рук перед едой в те времена не было общеобязательным, поскольку оно относилось к тем предписаниям о ритуальной чистоте, которые не распространялись на всех евреев. Только определенные группы людей брали добровольно на себя обязательство выполнять эти предписания. Строгость и число подобных обязательств были различными. Правила ритуальной чистоты, которые принимались фарисейскими товариществами, были в целом гораздо мягче, чем правила есейских общин. Понятно, что в спорах об омовении рук Иисус в одинаковой степени имел в виду все категории очищения: Человека делает нечистым не то, что входит в уста, а то, что выходит из уст (Мф 15:11). Следовательно, слова Иисуса никоим образом не подразумевают отмену заповедей еврейской религии, но целиком относятся к критике фарисеев. Общая истина, что именно строгое соблюдение ритуальной чистоты способствует моральной беспринципности, была справедлива и в дни Иисуса. Живший в то время еврейский автор^[48] определенно имел в виду фарисеев, когда говорил о людях «развращенных и нечестивых», которые «представляют себя праведными... а на деле они обманщики: притворяясь во всем,

они лишь угождают себе... Их руки и сердце погрязнут в нечистом, их уста будут изрекать непомерное хвастовство, но при этом они будут говорить: „Не прикасайся ко мне, чтобы не осквернить меня"». В этом отрывке, как и в словах Иисуса, подчеркивается противоречие между нечистыми мыслями и словами и стремлением к ритуальной чистоте. О том же самом Иисус говорит и в другом месте: Горе вам, книжники и фарисеи! Лицемеры, вы очищаете чаши и блюда снаружи, а внутри них — сплошное стяжательство и невоздержанность. Фарисей, ты слеп! Очисти сначала чашу изнутри, тогда и снаружи она будет чиста (Мф 23:25–26). Он называет фарисеев также поводырями слепыми, которые отцеживают комара, но проглатывают верблюда (Мф 23:24). Эти слова напоминают пословицу; возможно, что Иисус не был также автором изречения о том, что оскверняет человека.

Поскольку этому изречению придается (и не напрасно) важное значение, попробуем выяснить, какой смысл вкладывал в него Иисус. По принятому обычаю Иисус произносил благословение над вином и хлебом. Мог ли он при этом считать, что вещи сами по себе в религиозном смысле нейтральны? Несколько десятилетий спустя раббан Иоханнан бен Заккай говорил своим ученикам: «При жизни вас и мертвый не оскверняет, и вода не очищает, но сказанное о них относится к предписаниям

Царя всех Царей; Бог сказал: „Правило Я установил, предписание Я определил, человек не должен нарушать Мои предписания", так как написано^[49]: „Вот правило, которое предписал Господь"»^[50]. Конечно, Иисус так бы не сказал — для него это было бы, по меньшей мере, слишком рационалистично. Предварительно можно только отметить, что в глазах Иисуса любое ритуальное правило совершенно меркнет перед ценностями морального порядка. Но это еще не вся истина. Да Иисусу и вовсе не свойственно мыслить на языке столь ясных теоретических категорий.

В спорах об омовении рук^[51] и о срывании колосьев обвиняются ученики, а не более строгий в отношении Закона учитель. Обычно этого не замечают. И когда учителю сообщают о небрежности учеников, он не просто берет их под защиту. Яростный напор его ответа едва ли объясним вызвавшим его незначительным поводом. Похоже, Иисус пользуется случаем, чтобы высказаться по некоторым принципиальным вопросам. При этом его ответы не столь революционны, как может показаться непосвященному читателю. Слова о чистом и нечистом — почти что популярная максима, а довольно меткие замечания Иисуса в споре о срывании колосьев в субботу несколько не выделяются на фоне умеренных высказываний книжников. Среди прочего Иисус тогда сказал: Суббота создана для человека, а не человек для субботы. Поэтому человек — господин над субботой (Мк 2:27–28). Книжники говорили так же: «Вам дана суббота, а не вы — субботе»^[52].

Иисус умел создавать подходящие ситуации, чтобы с назидательной целью обрушиться на косное благочестие. Так произошло во время исцеления в субботу.

Чтобы понять смысл происходящего, необходимо знать: в субботу допускались любые методы лечения, если были хоть малейшие основания считать, что человеческая жизнь в опасности. В других случаях «контактных» способов терапии применять было нельзя. Однако лечение с помощью слова недвусмысленно разрешалось по субботам даже в тех случаях, когда не было непосредственной угрозы для жизни больного. Этого порядка Иисус всегда и придерживался в исцелениях, о которых сообщается в синоптических евангелиях^[53]. Другую картину дает Иоанн, которого мало интересуют исторические детали. Так, Иоанн рассказывает об исцелении слепого (этот рассказ напоминает аналогичную историю из евангелия по Марку (8:22–26)). Исцеление происходит следующим образом: Иисус «плюнул на землю, смещал слюну с землей и этой грязью помазал глаза слепому» (Ин 9:6). И, в отличие от Марка, Иоанн добавляет: «А день, в который Иисус сделал грязь и открыл слепому глаза, был субботним... Тогда некоторые из фарисеев сказали: „Этот человек не от Бога, раз он не соблюдает субботу"» (Ин 9:14–16). Если бы Иисус действительно так поступал, то возражения фарисеев с их точки зрения были бы оправданны. Однако, как уже говорилось, Иисус не намеревался выступать против Моисеева Закона — он лишь стремился на конкретных примерах обнажить несостоятельность прямолинейно понимаемого благочестия. Для этой цели он нашел подходящий случай: «Однажды в субботу он пришел в синагогу и учил, а там был человек, у которого правая рука была сухая. Книжники и фарисеи следили, не совершит ли он исцеления в субботу, чтобы найти повод к обвинению против него... Иисус спросил их: Что, по-вашему, позволено делать в субботу — добро или зло, спасти человека или обречь на гибель? И, оглядев их всех, Иисус приказал человеку: Вытяни руку! Тот вытянул, и тотчас рука его стала здоровой. А они, придя в бешенство, начали совещаться, что предпринять против Иисуса» (ср. Лк 6:6-11).

Итак, Иисус, о способности которого исцелять уже было известно, однажды в субботу встречает в синагоге сухорукого. Болезнь была хронической и угрозы для жизни не представляла. Исцелит ли он сейчас этого человека? Иисус это делает, но с помощью слова, что допускалось. Своим поступком и пояснением к нему он показывает, в чем смысл субботы. Естественно, это приводит в раздражение святош, не сумевших поймать Иисуса на запрещенных действиях.

В риторическом вопросе Иисуса о субботе содержится мысль, что в духе Закона было бы спасти человека, а не дать ему погибнуть. Эта же мысль встречается в одном знаменитом, классическом раввинском высказывании: «Сотворен был только один человек, чтобы показать тебе: если кто погубит одного человека, он погубит, по Писанию, весь мир, а если кто спасет одного человека, он спасет, по Писанию, целый мир»^[54]. Кстати, в первоначальном рассказе фарисеи явно не упоминались^[55]. Эту очевидную ситуацию уже Марк представил в искаженном свете, а Матфей

использовал версию Марка. Так получилось, что эта история заканчивается не бессильной яростью святош, а следующим образом: «Выйдя из синагоги, фарисеи тотчас же, вместе с иродианами, приняли решение убить его» (Мк 3:6). В этих словах явный намек на будущую казнь Иисуса (ср. Мк 15:1). Для фарисеев такая реакция крайне неправдоподобна. Даже самым злобным из них не пришло бы в голову убить Иисуса из-за того, что он совершил в субботу исцеление (к тому же разрешенное). Поэтому здесь следует отдать предпочтение тексту Луки (6:11).

Таким образом, Иисус выделяет нравственную сторону поступков на фоне чисто формального выполнения Закона. Мы несколько углубим этот предварительный вывод, оставив в стороне проблему Закона и обратившись к двум другим текстам, которые относятся к жанру «споров». В первом из них, как и в словах Иисуса при исцелении сухорукого, звучат наступательные нотки. «И вот принесли к нему на носилках парализованного. Иисус, видя их веру, сказал паралитику: Дитя, твои грехи прощены. Тогда некоторые из книжников подумали: «Он кощунствует! Кто, кроме Бога, может прощать грехи?» Распознав их мысли, Иисус сказал: Почему у вас такие мысли? Что, по-вашему, легче: сказать «Твои грехи прощены» или сказать «Вставай и иди»? Но знайте, что человек^[56] имеет на земле власть прощать грехи. И он велел паралитику: Вставай, бери носилки и иди домой! Тот встал и пошел домой. А народ, увидев это, пришел в ужас и стал славить Бога за то, что Он дал человеку такую власть» (ср. Мф 9:2–8).

При исцелении парализованного, как и в истории с сухоруким, Иисус соединяет слово с действием. Исцеление не было самоцелью — оно было убедительным аргументом в пользу учения. Поскольку считалось, что болезни — следствие совершенных грехов, прощение грехов уже могло означать избавление от болезней. Исцелением парализованного Иисус доказывает, что Бог наделил человека властью прощать другому даже такие грехи, которые не имеют никакого отношения к прощающему! Важно также, что Иисус отпускает грехи больному после того, как он увидел веру присутствующих, а может быть, и самого больного. В оригинальных словах Иисуса речь всегда шла не о вере в Иисуса (что впоследствии в христианстве стало считаться само собой разумеющимся), но о силе веры самой по себе. Будь у вас веры хоть с горчичное семечко, вы приказали бы этой горе: «Перейди отсюда туда!» — и она перешла бы. И не было бы для вас ничего невозможного (Мф 17:20).

В другом споре речь также идет о прощении грехов. Иисуса заподозрили в том, что он изгоняет духов с помощью князя духов Вельзевула и этим объясняется успех его исцелений. На эти обвинения он отвечает, в частности, следующим образом: Если кто скажет злое слово про человека — будет прощён, но если про Духа Святого — не простится ему ни в этом, ни в будущем Веке (Мф 12:32). Эти слова, к которым существуют параллели в еврейской литературе^[57], значительны хотя бы потому, что

Иисус с момента крещения знает: им владеет Святой Дух. Эти слова важны также потому, что они еще раз показывают, на чем акцентирует Иисус внимание в спорах, даже если они не касаются вопросов соблюдения Закона. Мы видим: здесь речь идет о человеке, о его грехах и о границах его власти.

В процессе устной и письменной передачи текста оппоненты Иисуса в спорах вырисовываются все более четко и все дальше отходят от его реальных оппонентов. Если в первоначальном рассказе иногда фигурируют анонимные и самозванные местные блюстители «святости», то теперь их прямо называют книжниками и фарисеями^[58]. Стоит проследить за последовательным развитием текста, чтобы увидеть, как оппоненты Иисуса постепенно превращаются в его врагов, которыми владеет лютая злоба и единственная цель которых — низвергнуть и уничтожить Иисуса. Ф. Правда, некоторые основания считать оппонентов Иисуса фарисеями имеются. Однако в строгом смысле слова фарисеи — это члены общины, которая, как уже говорилось, добровольно брала на себя выполнение определенных правил ритуальной чистоты и другие обязательства. Во времена Иисуса фарисейская община насчитывала около 6000 членов. Ее появление восходит ко II в. до н. э. В тот бурный исторический период фарисеи выступили против господствующей маккавейской династии, которая была связана с религиозно-политическим движением саддукеев.

Жизненная позиция саддукеев нашла выражение в рисунках, найденных в Иерусалиме, в гробнице некоего Ясона. Имя у него греческое, как и надпись в гробнице, которая призывает живых наслаждаться земными радостями. Хозяин гробницы был, несомненно, саддукеем и не верил в жизнь после смерти.

На одном из рисунков в гробнице изображены три корабля, причем средний из них — то ли торговое, то ли рыболовецкое судно. Военный корабль в правой части рисунка преследует два других корабля. По всей видимости, это сцена нападения военного корабля на торговое судно. «Едва ли можно сомневаться, что картина морского сражения касается деятельности члена знаменитой семьи, который был здесь погребен... Это подтверждается тем, что умерший играет в этой сцене ведущую роль: мы отчетливо видим его на носу корабля»^[59].

Таким образом, человек, который гонится за торговым или рыболовецким судном и другим военным кораблем, не кто иной, как Ясон. Этот саддукей Ясон был, вероятно, пиратом времен Александра Янная (103-76 гг. до н. э.). О разбоях типа изображенных на рисунке в гробнице мы знаем из слов Помпея, в которых он выражал озабоченность по поводу нападений на Сирию с моря, совершавшихся арабами и евреями. Помпей не разрешил последнему из Селевкидов занять престол, поскольку «он не способен обороняться и снова отдал Сирию на разграбление (latrocinium) евреям и арабам»^[60].

Итак, фарисеи, появившись в конце II в. до н. э. как оппозиционная по отношению к саддукеям партия, были вовлечены в гражданскую войну. В результате всех событий

саддукеи ко времени Иисуса образовали вокруг иерусалимского Храма небольшую, но могущественную группу священнической аристократии, а фарисеи стали учителями всего народа. Удалось им это по той причине, что они сознательно отождествили себя с народной верой. Фарисеи, по существу, выражали мировоззрение несектантского, наиболее популярного варианта еврейской религии, тогда как саддукеи превратились в контрреволюционную, если так можно выразиться, группку. Они не признавали устного предания, а веру в вечную жизнь считали досужим домыслом. Хотя фарисеев нельзя отождествлять с книжниками и более поздними раввинами, на практике эти статусы часто совпадали. Ф В настоящее время нам известны два человека, которые сами себя называли фарисеями. Это историк Иосиф Флавий^[61] и апостол Павел^[62]. Однако оба они не были типичными фарисеями. В своей собственной литературе раввины никогда себя фарисеями не называют. К примеру, рабби Гамалиэл, учитель Павла, именуется фарисеем только в Деяниях Апостолов, написанных Лукой. В Деян 5:34 Лука говорит о «фарисее по имени Гамалиэл, учителе Закона, которого высоко чтили в народе». Сына Гамалиэла Шимона только Иосиф Флавий называет фарисеем^[63]. В обоих случаях мы имеем дело с текстами, написанными по-гречески. Однако в этих текстах слово «фарисей» не имело тех отрицательных коннотаций, которыми оно с самого начала обладало в еврейском языке.

Стоило в те времена произнести слово «фарисей», как тотчас же всплывал образ религиозного лицемера. Саддукейский царь Александр Яннай перед смертью предостерегал свою жену не собственно от фарисеев, но от «крашенных, чьи дела, как дела Зимри, и поэтому требуют отмщения Пинехаса^[64]»^[65]. Царь-саддукей говорит о «крашенных», ессеи называют фарисеев «белильщиками»^[66]^[1], а Иисус сказал: Горе вам, книжники и фарисеи! Лицемеры, вы — словно побелённые гробницы: они красивы снаружи, а внутри них — кости мертвецов и всякая мерзость. Так и вы снаружи кажетесь людям Праведными, а внутри вас — сплошной обман и злодеяния (Мф 23:27–28). Царь-саддукей видел противоречие между дурными делами «крашенных» и их претензией считаться праведниками. Осуждали дела фарисеев и ессеи: «Они Сворачивают народ Твой, говорят ему скользкие речи. Обольщенные толкователями обмана, они безрассудно Идут к гибели... ибо дела их — в обмане»^[67]. Иисус также усматривал лицемерие фарисеев в противоречии между их учением и делами, ибо они говорят, но не делают (Мф 23:3).

Поразительно, что такую же антифарисейскую полемику можно найти и в раввинистической литературе, которая является собственно фарисейской. Список семи типов фарисеев в Талмуде^[68] — это пятикратное повторение темы лицемерия; только в двух последних пунктах фигурируют положительные типы фарисеев. Таким образом, не случайно, что антифарисейская речь Иисуса (Мф 23:1-36) расчленяется семикратным «Горе вам...». Первый тип фарисеев в талмудическом списке — это «фарисей плеч, который заповедь взваливает на плечи»^[69]. Иисус говорит в таких же

выражениях: фарисеи готовят непосильную ношу и взваливают её людям на плечи, а сами, чтобы сдвинуть её, и пальцем не шевельнут (Мф 23:4).

Ессейская литература наполнена горькими упреками р адрес фарисеев, хотя прямо фарисеями они не названы. Фарисеи здесь именуется «толкователями скользкого», их поступки проникнуты лицемерием, им удается ввести в заблуждение почти весь народ «ложным учением, языком обмана и устами коварства»^[70]. При этом они «закрыли источник знания перед жаждущими, а жажду их утоляют уксусом»^[71]. Это напоминает слова Иисуса: Горе вам, законникам! Вы, похитивши ключ от знания, и сами не вошли, и тех, кто хочет войти, не впустили (Ак 11:52; ср. Мф 23:13). И все же разница между ессейскими выпадами против фарисеев и их критикой Иисусом, как правило, довольно значительна. Если ессеи категорически отвергают учение фарисеев, то Иисус говорит: Ныне Моисеево место занимают книжники и фарисеи. Поэтому все, что они вам скажут, делайте и соблюдайте, но как они поступают, не поступайте, ибо они говорят, но не делают (Мф 23:2–3).

Иисус видел в фарисеях живых наследников Моисея и потому говорил, что в жизни необходимо руководствоваться их учением. Это и понятно: хотя, как мы еще увидим, на Иисуса косвенное влияние, вероятно, оказало ессейское движение, он, в сущности, был укоренен в ортодоксальном, несектантском иудаизме, мировоззрение и практику которого представляли фарисеи. Конечно, было бы неверно считать Иисуса попросту фарисеем в широком смысле слова. Пусть критика фарисеев Иисусом не столь враждебна, как их критика ессеями, и не столь негативна, как в только что приведенных текстах, но он все же смотрит на фарисеев как бы извне, не отождествляя себя с ними. Мы еще будем говорить о напряженных отношениях, которые неизбежно должны были возникнуть между харизматическим чудотворцем Иисусом и институционали-зированной религией; мы также не должны забывать, что эту напряженность усиливал революционный элемент его проповеди о Царстве. Кроме того, как вскоре выяснится, само учение Иисуса ставило под вопрос устои общества как такового. Впрочем, всего этого еще недостаточно, чтобы довести отношения до непримиримого противоречия.

Если бы даже филологические методы не позволяли нам легко освободиться от наслоений на источниках, все равно трудно было бы себе представить, что «фарисеи и книжники» до такой степени были враждебно настроены против Иисуса, что содействовали его смерти. Естественно, среди фарисеев были ограниченные люди (а где их нет?), для которых в этом чуде было что-то сомнительное и которым очень хотелось поймать его на запрещенных действиях, чтобы предать суду раввинов. Однако Иисусу всегда удавалось высказываться таким способом, чтобы не давать повода для преследований. Всякий, кто изучал жизнь и учение книжников той эпохи,

знает, что хотя их лидеры и были безупречны, но мелочными их, во всяком случае, назвать нельзя.

Если бы Иисусу довелось жить в бурные дни последнего маккавейского царя, весьма возможно, что он, как глава мессианского движения, испытал бы на себе преследование со стороны фарисеев. Когда фарисеи в период правления вдовы Янная Саломеи Александры захватили власть, они отнюдь не пощадили своих противников саддукеев. Из свитков Мертвого моря мы теперь также знаем, что фарисеи развернули систематические преследования ессеев. Но в дни Иисуса это уже было далеким прошлым, которого новые поколения фарисеев стыдились. Об этом свидетельствуют и следующие слова Иисуса: Горе вам, книжники и фарисеи! Лицемеры, вы воздвигаете гробницы пророкам, украшаете надгробия праведников и говорите: «Если бы мы жили в дни наших отцов, мы бы не пролили с ними крови пророков». Значит, вы и сами подтверждаете, что вы — потомки убийц (Мф 23:29–31)^[72].

Невольное свидетельство Иисуса о фарисеях подтверждается рассказом о процессе над Иисусом. Очень часто не замечают, что фарисеи, постоянно фигурирующие в евангелиях как противники Иисуса, в истории так называемого процесса над Иисусом во всех синоптических евангелиях отсутствуют. Насколько легко было бы вставить слово «фарисеи» в эти довольно поздние сообщения, показывает пример евангелия по Иоанну. Последний, нимало не смущаясь, пишет об аресте Иисуса следующим образом: «И вот Иуда пришел туда с римской когортой и стражниками, которых ему дали первосвященники и фарисеи. Они были с факелами, фонарями и при оружии» (Ин 18:3).

Причины, по которым не только древние сообщения, но и три первых евангелия избегают упоминания фарисеев во время процесса над Иисусом, станут, возможно, яснее, если мы вспомним, какую роль играли фарисеи в истории христианской общины в первые десятилетия ее существования. Когда первосвященник-саддукей начал преследовать апостолов, фарисей раббан Гамалиэл заступился за них и спас их от расправы (Деян 5:17–42).

В другом случае, когда Павел предстал перед синедрионом в Иерусалиме, ему удалось спасти свою жизнь благодаря тому, что он обратился к фарисеям (Деян 22:30–23:10). Затем, когда в 62 г. брат Иисуса Иаков и, вероятно, еще несколько христиан были противозаконно казнены первосвященником-саддукеем, фарисеи обратились к царю — и первосвященник был отстранен^[73].

Если последний случай сопоставить с двумя первыми, трудно отделаться от впечатления, что фарисеи рассматривали преследование христиан священнической

аристократией как «противозаконное». Это позволяет объяснить то, по-видимому последовательное, сопротивление, которое встречала со стороны фарисеев проводимая первосвященниками-саддукеями политика преследования христиан. Причина, по которой первые христиане стали яблоком раздора для двух еврейских партий, состоит в том, что фарисеи считали выдачу еврея чужой власти смертным грехом. Таким образом, можно предположить: фарисеи не появляются в трех первых евангелиях в качестве обвинителей Иисуса, поскольку в то время (в 80-е гг. I в.) все еще хорошо помнили, что фарисеи осуждали выдачу Иисуса римлянам. Авторы синоптических евангелий, вероятно, не могли вписать фарисеев в рассказ о процессе над Иисусом, так как в противном случае их сообщению никто бы не поверил. С другой стороны, они не сочли уместным упоминать о факте протеста фарисеев, поскольку древним историям об Иисусе они уже придали антифарисейскую направленность.

Однако какие странные превращения претерпевают подчас те или иные движения в ходе своей истории! Уже во II в. христиане еврейского происхождения, которые продолжали жить по Моисееву Закону, были осуждены^[74], а позднее соблюдение заповедей Старого Завета было запрещено всем христианам, несмотря на то что Иисус говорил: Говорю вам истину: пока небо и земля не исчезнут, ни одна йота и ни одна черта не пропадет из Закона..[75]. Поэтому кто упразднит наименьшую заповедь и научит людей пренебрегать ею, того назовут наименьшим в Царстве Небесном, а кто утвердит и научит людей исполнять её, того назовут великим в Царстве Небесном (Мф 5:18–20).

Ф Отказ от еврейских заповедей в Церкви был связан с тем, что христианство к тому времени стало религией неевреев. Это смогло произойти по той причине, что очень многие люди в античном мире видели в Боге евреев единственного истинного Бога. Тогда было также много людей, которые отваживались и на последний шаг, чтобы полностью присоединиться к еврейской религии. Со стороны евреев отношение к такому переходу было неоднозначным: более мягкая школа Гиллеля смотрела на него доброжелательно; напротив, школа Шаммая стремилась по возможности затруднить переход в иудаизм. Следующие слова показывают, что Иисус разделял более строгую точку зрения школы Шаммая: Горе вам, книжники и фарисеи! Лицемеры, вы обходите моря и земли, чтобы приобрести хоть одного прозелита, а приобретя, делаете его достойным ада — вдвое худшим, чем вы (Мф 23:15). Если нееврей живет в соответствии с определенными моральными нормами, ничего не зная о Моисеевом Законе, он обретет свое место в грядущем мире. Но прозелит, т. е. нееврей, ставший евреем, как и всякий еврей, обязан соблюдать Закон. Если ему не удастся полностью выполнять Закон, которому он раньше как нееврей не был обязан подчиняться, то теперь, после перехода в иудаизм, он, легкомысленно утратив свою прежнюю возможность спасения, становится достойным ада. Ф Насколько мы можем судить по

источникам, Иисус был невысокого мнения о неевреях, или «народах»: они погружены в хозяйственную рутину и заботы о будущем, не ведая, что завтрашний день сам о себе позаботится (Мф 6:31–34). Они подолгу пустословят в своих молитвах, поскольку думают, что благодаря своему многословию они будут услышаны (Мф 6:7). Им неизвестна еврейская заповедь о любви к ближнему, и они приветливы лишь по отношению к друзьям (Мф 5:47). В первом и третьем случаях возникает ощущение, будто Иисус говорит о пороках современного европейского общества. Другие глубокие по смыслу слова, пожалуй, в первую очередь относятся к римлянам. После того как Иисус на тайной вечере предсказал, что один из учеников предаст его, среди учеников, согласно Луке, возник спор: кто будет у них — вместо Иисуса — главой. Лука пишет: «Между ними разгорелся спор, кто из них должен считаться старшим. Он сказал им: Народами правят цари и властители носят прозвище „Благодетель“. У вас же пусть будет не так! Пусть старший из вас держится как самый младший, и господин пусть будет подобен слуге. Кто главнее: тот, кто возлежит за столом, или тот, кто ему прислуживает? Разве не тот, кто возлежит за столом? Но я здесь среди вас как слуга» (Лк 22:24–27)[76].

Чтобы до конца понять эту речь Иисуса, нужно вникнуть в смысл лежащего в ее основе еврейского слова. В данном эпизоде ученики пытаются между собой решить: кто из них впоследствии станет руководителем {рае = старший, главный) общины. В речи Иисуса содержится аллюзия на Быт 25:23, где сказано, что старший (рае) Исав будет слугой младшего Иакова. Этот текст — пророчество о том, что старший из братьев Исав, потеряв свое главенствующее положение перед возвышающимся младшим братом, Иаковом, должен будет подчиниться последнему. Во времена Иисуса это пророчество неоднократно истолковывалось в том смысле, что великий и могущественный Рим (Исав) будет в конце концов служить ныне маленькому и слабому Иакову, т. е. Израилю.

Подобного рода толкования текста Быт 25:23 Иисус ставит под вопрос в самой их основе. Да, в них господин и подчиненный должны поменяться местами, но речь по-прежнему идет об отношениях господства и подчинения. Верно, что римские цезари господствуют над народами, но у вас пусть будет не так! Иисус выступает вообще против отношений господства и подчинения между людьми — отношений, которые властителями народов считаются нормой. Одновременно Иисус исключает всякий повод для оправдания националистического империализма. Для него этот библейский стих означает, что больший, т. е. глава {рае), должен служить меньшим. Иисус выразил это, собственноручно прислуживая на последней вечере возлежащим за столом ученикам^[77].

Из сказанного становится понятно, какими мотивами руководствовался Иисус, давая Двенадцати следующий наказ: На дороги, что ведут к народам, не выходите и самаритянских городов сторонитесь, а идите к потерянным овцам дома Израилева (Мф 10:5–6)^[78]. Эти слова Иисуса относятся, по-видимому, не только к проповеди, но и к исцелениям, которые также входили в круг обязанностей учеников. Во всяком случае, сам Иисус, как правило, не исцелял неевреев. Однажды его просила ханаанеянка вылечить свою больную дочь, и он тогда ответил то, что уже однажды говорил ученикам: Я послан только к потерянным овцам дома Израиля. Но женщина, бросившись ему в ноги, взмолилась: «Господин мой, помоги!» Он сказал: Нехорошо отбирать хлеб у детей и бросать его собакам. Она настаивала: «Да, господин мой, но ведь и собакам достаются крохи со стола хозяев». Слова женщины произвели впечатление на Иисуса, и ее дочь с того момента стала здоровой (Мф 15:21–28).

В евангелиях упоминается еще лишь один случай, когда Иисус вылечил нееврея. Это — исцеление слуги Центуриона, римского офицера из Капернаума (Мф 8:5-13;

Лк 7:1-10). Из евангелия по Луке мы узнаем, что центурион не был язычником, но принадлежал к категории «боящихся Господа»^[2]. Этот центурион сказал Иисусу: «Господин мой, я недостойн принять тебя под своим кровом. Скажи только слово, и мой слуга выздоровеет». Благочестивый римлянин, вероятно, заботился, чтобы Иисус прикосновением к нееврею не нарушил ритуальной чистоты, и поэтому просил его совершить исцеление на расстоянии. По его разумению, для такого необыкновенного рабби, каким был Иисус, это не составит труда. Он рассуждал, привлекая сравнение с собой: «Сам я человек подчиненный, но и у меня есть под началом воины, и одному я говорю: „Ступай“ — и он идет, а другому: „Иди сюда“ — и он приходит; слуге говорю: „Сделай то-то“ — и он делает». Услышав это, Иисус удивился и, обернувшись к сопровождавшей его толпе, сказал: Такой веры я не видел даже в Израиле... В тот же миг слуга выздоровел.

Этими двумя историями и ограничиваются случаи исцеления неевреев в евангелиях. В обеих историях решающие слова произносят «язычники», а не Иисус, слова, которые глубоко трогают Иисуса. Заметим, между прочим, что в раввинистических источниках вовсе не представлена точка зрения, согласно которой нельзя было бы исцелять неевреев.

Итак, образ, который сохранили три первых евангелия, предельно ясен: еврей Иисус действует среди евреев и только среди них и желает действовать. Это подтверждает и апостол язычников Павел: Иисус «был подвластен Закону» (Гал 4:4); он «стал слугой обрезанных, чтобы показать верность Божью и подтвердить, что Бог исполнил свое обещание праотцам» (Рим 15:8).

Стало быть, то, что Иисус действовал только среди детей Израилевых, не было признаком национальной ограниченности; это вытекало из миссии, которую поручил ему Небесный Отец. Он послал его только к потерянным овцам дома Израилева (Мф 15:24). Так же начинается и посланническая речь к ученикам: На дороги, что ведут к язычникам, не выходите и самаритянских городов сторонитесь... (Мф 10:5–6). Сначала нужно собрать тех, кто был рассеян, из народа Израилева. Затем все народы точно так же, как и евреи, должны услышать весть о Царстве Божьем и каждый будет поставлен перед выбором — принять или не принять божественное спасение (ср. Рим 1:16). Только апостол Павел в Послании к Римлянам (11:25–26) пришел к выводу, исходя из своих соображений, что в божественном плане спасения еврейский народ стоит в конце этой последовательности.

Впрочем, у отдельных представителей народов Иисус встречал и такую веру, какой он не видел даже в Израиле. Иисус — и не он один в Израиле^[79] — знал, что язычники, возможно, более готовы к покаянию, т. е. возвращению к Богу, чем дети Израилевы: Горе тебе, Хоразин! Горе тебе, Вифсаида! (Мф 11:20–24; Лк 10:13–15).

В плаче о Иерусалиме (Лк 13:34–35 и 19:41–44) вместе с глубокой озабоченностью Иисуса будущей участью своего народа выразилась и его нерасторжимая с ним связь: О если бы ты хоть сегодня понял, что могло принести тебе мир! Но это от тебя остается сокрытым (Лк 19:42). И когда он изрекал пророчества о разрушении Иерусалима и Храма (Лк 19:43, 44 и 21:20, 24, 28), на краю сознания у него оставалась мысль об освобождении собственного народа — когда кончится срок, отведенный язычникам (Лк 21:24). Имеется в виду период угнетения евреев другими народами. (Подробно об этом см. мои исследования «Prophetische Aussagen Jesu über Jerusalem» и «Jüdische Heilsgestalten und das Neue Testament».)

Представители различных иудео-христианских сект считали, что только они сберегли наследие своего учителя и что никто, кроме них, не постиг истинный смысл иудаизма. Как синагога, так и церковь заклеили этих людей как заблуждающихся. История прошла мимо них. Они жили в строгом соответствии с еврейским законом. Евангелие Иисуса постепенно превратилось у них в пустую апологетику и жалкую карикатуру на свой оригинал. Еще в X в. их можно было встретить где-нибудь возле Моссула^[80], страшно одиноких в своей нечеловеческой верности.